

УДК 821.112.2

ОБРАЗ БЕЖЕНЦА В РОМАНЕ А. ЗЕГЕРС «ТРАНЗИТ»

К. М. РАКИЦКАЯ

(Представлено: Л. Н. СЕМЧЁНОК)

Раскрывается художественное своеобразие образа беженца в романе А. Зегерс «Транзит», послужившее основой создания типологии наиболее ярких представителей мигрантского сообщества в художественном мире романа.

Анна Зегерс (Anna Seghers, настоящее имя Нетти Радвани (Netti Radvanyi), 1900–1983) относится к числу тех немецких писателей, чьи книги активно переводились на русский язык во времена Советского Союза и не утратили своей актуальности и сегодня. Творчество писательницы, при всей своей политической ангажированности, оказалось востребованным в новых социально-политических условиях в силу своей гуманистической направленности и остроты проблем, поднимаемых на страницах её произведений. Войны и вооруженные конфликты сопровождают всю историю человечества, вызывая к жизни все новые и новые волны вынужденных мигрантов, и вновь и вновь ставят человечество перед необходимостью поиска решения проблемы вынужденной миграции. Именно поэтому таким востребованным сегодня становится роман А. Зегерс «Транзит» (Transit, 1943), написанный ею в эмиграции и отразивший личный опыт писательницы, оказавшейся среди тысяч таких же лишенных дома немцев.

Роман «Транзит» знакомит читателя с историей скитаний мигранта Зайдлера по Европе, объятый пламенем Второй мировой войны. Его эмигрантский путь с зеркальной точностью повторяет все «транзитные» сложности, которые выпали на долю самой Анны Зегерс. Автобиографизм усиливает и без того мощное лирическое начало в произведении, достигнутое посредством введения в повествование героя-рассказчика: «Alles war auf der Flucht, alles war nur vorübergehend, aber wir wussten noch nicht, ob dieser Zustand bis morgen dauern würde oder noch ein paar Wochen oder Jahre oder gar unser ganzes Leben» [2] («Жизнь превратилась в непрекращающееся бегство, всё стало переходящим, но мы ещё не знали, как долго продлится это состояние – сутки, несколько недель или несколько лет, а быть может, до самой смерти» [1, с. 28]). Несмотря на то, что главного героя романа Зайдлера нельзя назвать собирательным образом беженцев, он всё равно чувствует единство со всеми «изгнанными» из своих родных земель эмигрантами. Состояние «непрекращающегося бегства» обусловлено не только бегством от неминуемой смерти и врага в лице фашистской Германии, но и нескончаемым потоком консульств и бюро, пороги которых нужно было обить для получения заветных транзитных виз и разрешений на выезд. В романе не упоминаются точные сроки выдачи виз, однако неоднократно встречаются герои с «просроченными» документами, что превращает их жизнь в бесконечную, не имеющую временных ограничений погоню за заветной бумажкой со штампом: «Ich vergaß, dass für diese Art Menschen die Zeit umschlug mit ihrer Ausreise aus der Heimat» [2] («Я совсем забыл, что для беженцев время оборвалось в день их отъезда с родины» [1, с. 62]). Жизнь «на пороховой бочке» превратила некогда жизнерадостных людей в больных «транзитной лихорадкой»: они больше не замечают ничего вокруг, все их разговоры сводятся к визам, пароходам и пропускам. Зегерс называет эмигрантов «мертвецами», так как в погоне за спасением и свободой они утратили подлинный интерес к жизни: «Für Abgeschiedene hielt ich sie, die ihre wirklichen Leben in ihren verlorenen Ländern gelassen hatten, <...> Sie mochten sich noch so lebendig stellen mit ihren verwegenen Plänen, mit ihren bunten Drapierungen, mit ihren Visen auf seltsame Länder, mit ihren Transitstempeln» [2] («Мертвецами были для меня те, кто расстался с настоящей жизнью на своей потерянной родине, <...> Конечно, все эти мертвецы прикидывались живыми – строили смелые планы на будущее, наряжались в пёстрые одежды, получали визы в экзотические страны, украшали свои паспорта штемпелями транзитных виз» [1, с. 84]). Примечателен и тот факт, что вместо существительного der Tote (покойник, мертвец), она использует похожее по значению, но отличное по семантической окраске, слово der Abgeschiedene (отстранённый, покойный). Для многих «изгнанных» из общества людей время и пространство просто перестали существовать. Эмигранты, отстранившиеся от хода истории, потерявшие всякую связь с реальностью, теряли собственное «я» и превращались в общую массу «живых мертвецов».

Особенность творчества Анны Зегерс заключается в том, что насколько бы насыщенными социальными проблемами не были её произведения, она никогда не переставала анализировать простейшие вопросы человеческого существования. Данная особенность проявляется и в подборе персонажей романа «Транзит» – это совершенно разные по национальности, социальному статусу и по характеру люди, объединённые одними сложными обстоятельствами – войной.

Не только этнические немцы, но и представители многих уже оккупированных к 40-м годам стран Западной Европы, были вынуждены примерить на себя статус беженца. Потерявшие покой люди скитались от вокзала к вокзалу, от города к городу – это и старики, и расфуфыренные дамы, и даже одинокие матери с детьми: «Als ich mir einen Schlafplatz suchte im Bahnhof von Toulouse, kletterte ich über eine liegende Frau, die zwischen Koffern, Bündeln und zusammengelegten Gewehren einem verschrumpften Kind die Brust gab» [2] («Когда на вокзале в Тулузе я искал место, чтобы прилечь, я перешагнул через женщину, которая, устроившись на полу между чемоданами, узлами и составленными в пирамиды винтовками, давала грудь крошечному ребёнку со сморщенным личиком» [1, с. 26]). В описании эмигрантов, встречающихся на пути главного героя романа, Анна Зегерс нередко использует следующие эпитеты и выражения: «bleich vor Furcht und Hoffnung» («бледны от страха и надежды»), «mit vor Aufregung rauhen Stimmen» («с хриплыми от волнения голосами»), «alle bebten vor Schreck und Empörung» («все дрожали от страха и отчаяния»), «das gespannte Gesicht eines abgehetzten Mannes, der von irgendeinem Wahn behext ist» («на его напряжённом лице затравленного человека, одержимого навязчивой идеей...»), «die schwächlichsten, hilflosesten Menschen kamen drohend und wild in letzter unsinniger Hoffnung» («самые слабые, самые беспомощные люди наступали с угрозами. Они озверели от этой последней безумной надежды...»). Люди, заразившиеся тяжёлой формой «транзитной лихорадки» («Abfahrtskrankheit»), испытывали все симптомы психологического истощения: отсутствие надежды, усталость от проделанного каждодневного маршрута между консульствами, страх перед смертью – всё это превращало даже молодых людей в уже «понухавших пороху» стариков: «Wie war die Welt in diesem Jahr gealtert» [2] («Каким, однако, поставшим выглядел мир в этот год!» [1, с. 26]).

Главный герой романа – простой монтер, труженик, который на протяжении всего романа проживает «несколько» жизней: Вайделя, чьим именем он вынужден был представляться в консульствах для получения документов, и Зайдлера, чьи документы ему предоставил муж Ивонны: «Seidler hatte der Mann geheißен, dessen schlechterer Schein für mich der bessere war...» [2] («Человека этого звали Зайдлер, а удостоверение, которое он, видимо, счёл негодным, показалось мне великолепным» [1, с. 28]). Почему именно простой труженик, а не какой-нибудь политический активист или деятель искусства, стал героем антифашистского эмигрантского романа? Анна Зегерс выбрала рядового рабочего неспроста, ведь именно через призму жизни простого человека проще всего передать настроения беженцев, потерявших всё из-за войны – состояние неуверенности в завтрашнем дне и бесконечную вереницу канцелярской волокиты в консульствах.

Через образ Зайдлера автор наглядно изображает состояние экзистенциального кризиса человечества в годы Второй мировой войны и массовой эмиграции: «In dieser Stadt, glaubte ich, müsste endlich alles zu finden sein, was ich suchte, was ich immer gesucht hatte. Wie oft wird mich dieses Gefühl noch trügen bei dem Einzug in eine fremde Stadt!» [2] («В этом городе, – думал я, – мне удастся наконец найти всё то, что ищу, всё то, что всегда искал». Сколько раз ещё меня будет обманывать это чувство, когда я буду входить в незнакомые города!» [1, с. 30]). Измученные непрекращающимися скитаниями беженцы искали покоя, душевного спокойствия, они мечтали обрести «дом», где смогут забыть все те ужасы, пережитые ими в бегстве от фашистов.

С одной стороны главного героя романа окружали лишь те, кто стремился поскорее уехать, неважно зачем, просто не оставаться на одном месте, а с другой стороны были и такие же, как он, «потерявшие всякий смысл суесться»: «Aber was nützt es mir, dass mir einerlei ist, wohin ich fahre, da mir das meiste einerlei ist?» [2] («Но к чему мне все эти бумажки, если мне безразлично, куда ехать, если мне вообще почти всё безразлично...» [1, с. 111]). Беспокойными эмигрантов делал пронизывающий насквозь страх перед беспощадным карательным аппаратом Третьего рейха. Следующей волной после страха, человека накрывает безразличие, особенно когда все вокруг тебя бегут даже тогда, когда, казалось бы, можно остановиться. В отличие от своих товарищей по несчастью – беженцев, Зайдлер беспокоится не только лишь о своей личной судьбе и спасении.

Настоящим «эликсиром жизни» для главного героя становится внезапная влюблённость в Мари, супругу покойного Вайделя: «Ihr kleines Gesicht war der einzige Ort auf Erde, wo es für mich noch Frieden gab. Ja, Frieden und Ruhe legten sich augenblicklich auf mein gejagtes Herz, als saßen wir miteinander auf einer Wiese in unserer Heimat und nicht in diesem verrückten Hafencafé, dessen Wände das Zappeln und Grauen der Flüchtlinge spiegelten» [2] («Только глядя на её маленькое личико, я ощущал покой. Да, мир и покой воцарились в моём загнанном сердце, словно мы сидели вместе на лужайке у себя на родине, а не в этом суматошном кафе у пристани, где зеркала на стенах отражали содрогающихся в конвульсиях страха беженцев» [1, с. 116]). Именно в этой девушке Зайдлеру удалось отыскать умиротворение, к которому стремились все изгнанные из родной обители. Несмотря на всю безответность чувств, в сердце героя просыпается искра жизни, он готов бросить всё и в одночасье уехать за Мари на край света. Именно эмоциональность отличает Зайдлера от нескончаемого потока «одержимых» лишь одной целью эмигрантов.

Зегерс не пытается идеализировать образ беженца, изображая эмигрантов лишь в качестве жертв новой реальности. Среди «изгнанных» можно увидеть и мошенников, которые любимыми силами пытались спасти только себя. Откровенными подлецами в романе выступают Аксельрот и Паульхен. Они оба занимают не последнее место в деловых кругах, однако по своей сущности являются просто трусами. Ещё в лагере Паульхен Штробель был мнительным и запуганным человеком: когда он повредил руку – плакал, когда немцы начали окружать их лагерь – молился. Несмотря на то, что ему всё же хватило смелости написать множество статей и даже книгу против Гитлера, он так и остался трусом, ведь именно Паульхен, боясь попасться в руки эсэсовских ищеек, но, не боясь подставить своего друга, просил о помощи находившегося в этой стране «на птичьих правах» Зайдлера: «Das Paulchen belustigte mich. Ich hatte auf unserm Dock, als wir Schiffe ausluden, kein Zeichen besonderer Angst an ihm wahrgenommen. <...> Jetzt war Paul bestimmt furchtsamer als ich...» [2] («Этот Паульхен меня просто смешил. В доках, когда мы под бомбёжкой разгружали пароходы, я не заметил, чтобы он трусил больше других. <...> Однако теперь Паульхен боялся куда больше меня» [1, с. 14]). Аксельрот же, в противовес Штробелю, не только предаёт своих друзей, но и превращает всё в выгодные для себя обстоятельства. Несмотря на то, что сейчас Паульхен и Аксельрот являются «неразлучными друзьями», в тяжёлые времена Аксельрот, не задумываясь, предал товарища: когда они решили бежать из лагеря, по пути им встретился гружённый армейским снаряжением французский грузовик, Аксельрот был единственным, кто пошёл договариваться с водителем о помощи. Но подмога так и не пришла: спустя время он просто залез в грузовик и уехал: «...er habe ihnen nicht einmal mehr zugewinkt...» [2] («Даже рукой не махнул на прощание» [1, с. 13]).

В отличие от мошенников, не стыдившихся даже в военное время набивать свой кошелек или же спасать только свою душу, существовали и те, даже среди обречённых беженцев, кто подставит дружеское плечо и поможет в трудную минуту. Именно неунывающий соратник Зайдлера Гейнц помогает ему справиться с ударами судьбы. Появление Гейнца на страницах романа имеет эпизодический характер, однако данный персонаж является одним из ключевых образов, повлиявших на развитие и становление главного героя. Образ Гейнца в какой-то мере переключается с образом Валлау из романа «Седьмой крест» («Das siebte Kreuz», 1939), ведь оба персонажа стали моральными ориентирами в жизни главных героев. Гейнц – подлинный лидер, готовый вести за собой, сохранивший веру в революционную солидарность трудящихся, ценивший в людях верность, надёжность и непоколебимость. Гейнц повсюду пользовался авторитетом и всегда мог надеяться на помощь: при побеге из лагеря его несли на руках, а при переправе даже уступили последнее место в лодке; несмотря на риск, простые люди укрывают его в деревне; сам Зайдлер помогает ему покинуть Францию, и даже моряки парохода везут Гейнца совершенно бесплатно. Зайдлер ещё со времён их совместного пребывания в лагере восхищался огромной моральной силой Гейнца, а тот в свою очередь стал для Зайдлера символом бесконечной силы товарищества: «Das ist doch sonderbar, sagte ich, dass du schließlich rascher als ich warst. Mich haben die Deutschen überholt. – Du warst wahrscheinlich allein.» [2] («Удивительно, – сказал я, – что ты всё же добрался до Луары быстрее меня. Меня ведь немцы обогнали. – Это потому, что ты, видимо, был один...» [1, с. 60]). В конечном итоге, Зайдлер примыкает к группе единомышленников Гейнца и борцов Сопротивления, выбирая не путь одиночного счастья и свободы, а вступая в ряды яростного антифашистского сопротивления: «Was sie trifft, wird auch mich treffen. Die Nazis werden mich keinesfalls mehr als ihren Landsmann erkennen. Ich will jetzt Gutes und Böses hier mit meinen Leuten teilen, Zuflucht und Verfolgung. <...> Selbst wenn man mich dann zusammenknallt, kommt es mir vor, man könne mich nicht restlos zum Sterben bringen. Es kommt mir vor, ich konnte das Land zu gut, seine Arbeit und seine Menschen... Wenn man auf einem vertrauten Boden verblutet, wächst etwas dort von einem weiter...» [2] («Пусть их судьба будет и моей судьбой. Во всяком случае, нацисты не узнают во мне своего соотечественника. Я хочу делить со своими друзьями и радость и горе, подвергаться вместе с ними преследованиям и искать убежища. <...> И даже если они меня убьют, я думаю, им не удастся меня уничтожить. Мне кажется, что для этого я слишком хорошо знаю эту страну, ее трудовую жизнь, ее людей... А когда истечешь кровью на земле, которая стала тебе родной, ты не можешь исчезнуть бесследно...» [1, с. 213]).

Не только коммунист Гейнц сумел повернуть вектор жизни Зайдлера в другую сторону, но и фигура литератора Вайделя, с которым ему пришлось познакомиться хоть и не лично, но всё же очень близко. Именно рукопись Вайделя, найденная героем на дне его чемодана, возвратила Зайдлеру утраченное чувство общности со своим народом. Несмотря на то, что писатель мог одним словом вселить надежду в своего читателя, сам Вайдель не смог справиться с мучительным ощущением преследования. Писатель, имевший на руках документы и визы, о которых «простой» беженец мог только мечтать, покончил жизнь самоубийством. Образ литератора олицетворяет собой отчаявшихся эмигрантов, опустивших руки и отказывающихся верить в позитивное разрешение сложившейся в мире ситуации.

В романе Анны Зегерс «Транзит» нашли отражение различные характеры, которым по долгу судьбы пришлось примерить на себя образ беженца. Однако данный образ не является собирательным. Клас-

сифицируя ключевых персонажей романа можно выделить следующие типы эмигрантов: больные «транзитной лихорадкой», одержимые страхом остаться; подлецы и мошенники; неунывающие, сохранившие веру в революционную солидарность трудящихся и, наоборот, опустившие руки и отказывающиеся верить в позитивное разрешение событий. Несмотря на потерю внутренних ориентиров и внешней опоры, эмигранты имеют перед собой чёткую цель – любыми способами покинуть территории, которые в перспективе будут оккупированы немцами. В постоянном состоянии «бегства» беженцам присущ ограниченный спектр эмоций: страх, отчаяние, надежда. Беспомощность эмигрантов порождает недобросовестность со стороны местных властей, чиновников и полиции. Однако дух товарищества и сплочённость помогают справиться с врагом любого масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зегерс, А. Транзит. Рассказы / А. Зегерс. – М. : Худож. лит., 1978. – 324 с.
2. Seghers, A. Transit [Электронный ресурс]. – Режим доступа www.goethe.de. – Дата доступа 24.05.2020.